

да будет тебе счастье. Не получится дойти до озера Песчаного – пожалуй, приземлюсь в любом лесном закутке, что приглянется, да поем ржанных бутербродов с тунцом из местной кулинарии. Ещё орехи есть в солёной карамели, как раз по дороге перехватывать, слушая весеннее пение птиц. Сменные носки... Точно, прихватил – а то вдруг ноги промочу в талой воде. Конец апреля, а природа в Сибири всё ещё просыпается – совсем нехотя, с ленцой, точно медведь в берлоге.

Я снова перевёл взгляд на мерцающие зелёные цифры в салоне автобуса. Единственный ПАЗик такой на весь город с неверно застывшими аналоговыми часами, и постоянно, именно в нём, мне встречается кто-то особенный. То цыганка новую работу напророчит, то девушку встречу. Правда, ни с работой, ни с девушкой не сложилось.

Народу мало для раннего субботнего утра – в салоне даже не пахнет ничем, кроме кожаной обивки сидений, слегка нагреваемой солнцем. Вот молодой парень в огромных наушниках безучастно смотрит в окно. На учёбу едет, наверное. Город студенческий, и по субботам многие учатся.

В хвосте, на последнем сидении, пристроилась пожилая пара – прижались друг к другу, за руки держатся. Такое нечасто встретишь – да и как вообще сейчас люди подолгу вместе живут?.. Я вот несколько раз сходил и расставался, самые длительные отношения из всех – шесть лет, от силы. И те рассыпались. А люди и по двадцать шесть, и по тридцать шесть, как, наверное, эти бабушка с дедушкой, вместе живут.

Рядом с моим сидением замерла девчонка лет восьми-девяти, в тёмных очках. Очевидно, её тоже заинтересовали светящиеся зелёные цифры.

– Как вас зовут? – неожиданно спросила она.

– Виктор, – отвечаю на автомате, чуть вздрогнув. – Для дяди ещё рано, так что можно просто – Витя. А тебя как?

– Света. А куда едете?

– В поход.

– А куда это, в поход? – она сняла с плеч

ВАЛЕРИЯ ТРОФИМОВА

Родилась в 1995 году в г. Караганде (Казахстан). Живёт в г. Красноярске. Финалист литературной премии «Русские рифмы», «Русское слово» (2019), Национальной литературной премии для молодых авторов в номинации «Киносценарий» (2020). Публиковалась в сборнике лучших конкурсных произведений «Кубок Брэдли – 2018», в издании серии «Происхождение мрака» (2020), издании серии «Новеллист» (2020), сборнике произведений по итогам одноимённой литературной премии имени Джозефа Редьярда Киплинга «Творцы совершенной реальности» (2021), в журналах «Причал», «Нижний Новгород», «Начало века».

ДЕВОЧКА СВЕТА

«99:25».

И снова это чёрное табло с зелёными цифрами на стенке ПАЗика, прям перед водителем. Интересно, что они так застыли? Времени ведь такого нет. Фантастика, да и только.

Я посмотрел на свои часы, всегда исправно работающие. Девять ноль ноль. По идее, для походов выходного дня подниматься надо гораздо раньше, с рассветом, и

маленький ранец и положила рядом с собой на обшарпанное сидение.

– В Тимирязево.

– А зачем?

– Лес... Там ведь красиво. От бытовухи... то есть от суеты, отвлекаться хочу, – протянул я. – Поздно вот только вышел.

– Сколько время? – девчонка смотрела на меня через огромные стёкла тёмных очков, явно не детских, с пятнистой оправой. В них она напоминала стрекозу или муху.

– Девять часов семь минут, – я снова посмотрел на свои спортивные часы. – А ты куда в такую рань, да ещё и одна?

– Я прокатилась немного, домой еду, – Света взялась тонкими ручонками за спинку переднего сидения. – Подскажите мне, когда остановка «Лагерный сад» будет?

– Мне самому на ней выходить, вместе и выйдем.

– Спасибо, – улыбнулась она и отвернулась.

Я улыбнулся в ответ, но мысли закрались тревожные. Ребёнок, один. В такую рань, домой. Получается, она уже накататься успела? Во сколько она вообще проснулась и вышла одна?

Я снова посмотрел на Свету. Лёгкая весенняя курточка малинового цвета с грязноватыми рукавами – судя по всему, давно не стиранный. Серые джинсы – под коленом дырка, и по бокам грязные полосы. Ранец только вот целый, совсем новый. Ещё и очки эти, наверное, у мамы или старшей сестры стащила.

– Ты... точно не потерялась? – задал я зудящий вопрос.

– Нет-нет, я не первый раз катаюсь на этом автобусе, не переживайте, – она залезла в карман курточки и, не глядя, достала монетки. – Посмотрите, пожалуйста, здесь двадцать один рубль?

– Кроха, ну что ты, надо математику-то в школе подтягивать, – я покачал головой. – Да заплачу я за тебя, оставь на мороженое.

Я закинул свой рюкзак за спину и подошёл к водительскому месту.

– Два. Лагерный сад, – протянул я деньги за проезд, сам украдкой посматривая за девчонкой. Жаль, за стрекозиными очками не поймёшь – куда смотрит, грустит или нет, всё ли в порядке. Глаза ведь – зеркало души, так вроде говорят.

Девочка нащупала ранец, закинула на плечи и, держась за поручни, продвинулась к выходу.

– Поможете мне спуститься? – она вертела головой, будто оглядываясь по сторонам. – А то я не вижу...

Я остолбенел. Чтоб на меня рухнула крыша этого старого ПАЗика вместе с баллонами! Света слепая... А я ей со своей математикой, дурак!

На остановке я быстро выскочил и помог Свете спуститься.

– Свет, послушай... Прости за математику, я не...

– А я её знаю, Витя, знаю! Дважды два – четыре! Шестью шесть – тридцать шесть! – Света принялась кружиться под куполом остановки. Через узорчатое стекло пробивалось солнце – но девочка не могла этого видеть, только чувствовать.

Интересно, из чего состоит её мир? Ей ведь доступны только запахи, тактильные ощущения да звуки...

– Свет, давай я тебя до дома доведу и маме передам, хорошо? – я проводил взглядом автобус, на который мне стоило пересесть, чтобы попасть в Тимирязево.

А ходит он раз в четыре часа.

Девочка перестала кружиться, втянула носом воздух и пошла в мою сторону.

– До мамы не надо, она занята. До качелей в моём дворе, хорошо?

– Идёт, дай пять! – приободрил я её и взял за вспотевшую ручонку.

– Тогда во двор через два дома! Которые деревянные, там жёлтые за ними и мой двор... Меня так научили говорить, – она снова заулыбалась.

– Свет, а кто тебе помогает? Как ты только не боишься одна в автобусе ездить?..

– Мне помогают добрые люди, – улыбка Светы стала ещё шире.

Мы двинулись в сторону её дома, и я совсем забыл о походе. Сейчас мне казалось, что самое ценное – то, что происходит сейчас, а не то, что я так желал обрести в лесу.

Деревянные скособоченные дома сменились трёхэтажными сталинками. Незастеклённые балконы пестрели коврами и стиранным бельём, хотя на улице ещё прохладно – только днём пригревает. Из приоткрытой двери одного из подъездов душно пахло плесенью, собаками и нафталином. Между двумя сталинками и находилась детская площадка.

– Свет, мы пришли, – я подвёл девочку к качелям и помог сесть.

– Покачаешь меня? – Света улыбнулась и поправила сползающие очки.

– Конечно. Свет, а почему домой не идёшь? – я легонько толкнул поскрипывающие качели.

В этот момент с одного из балконов слышалась грубая брань. Девочка вжала голову в плечи и прошептала:

– А у меня папа пьёт, дома нехорошо. Мама кричит. Я лучше погуляю...

Кулаки сжались сами собой. «Папа пьёт... Дома нехорошо... Я лучше погуляю», – в голове гулким эхом отдавались слова слепой девочки.

Слепой ребёнок. На улице. Один. А они пьют?!

Пытаясь утихомирить подкатывающую злость, я снова толкнул качели.

Медитативно, успокаивает.

А девочка снова улыбнулась и, звонко смеясь, взлетала выше и выше, навстречу солнцу.

Которое никогда не увидит.

«Девяносто девять двадцать пять... девяносто девять двадцать пять» – я раскачивал девочку и твердил про себя какой-то набор цифр для успокоения.

Вроде, они были на табло в том самом ПАЗике.

Цифры, что мне эти дурацкие цифры дались...